

ЛЮБОВЬ

не по плану

Карла
Соренсен

Karla Sorensen

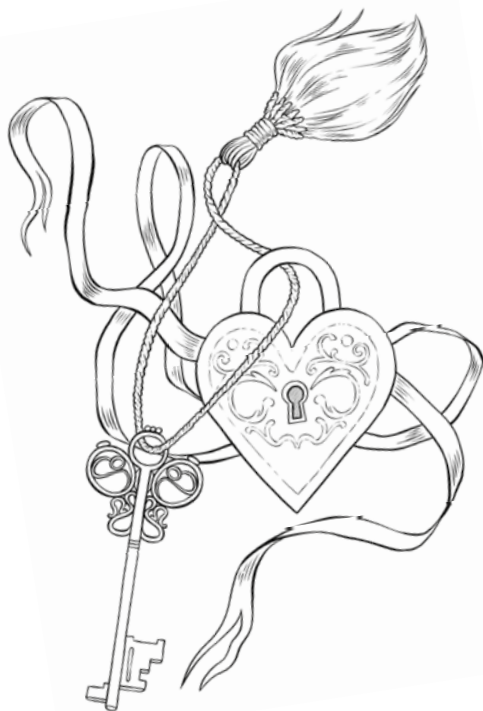
THE BEST
LAID PLANS

Карла Соренсен

ЛЮБОВЬ
НЕ ПО ПЛАНУ

*Посвящается Кэтрин, Кэнди
и Бриттани: своей исключительной
силой духа вы втроем привели меня
к финишной черте, и я бесконечно вам
за это благодарна*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Берк

«БЕРК, НИКОМУ НЕТ ДЕЛА до того, хочешь ты этого или нет», — однажды сказал мне отец. В детстве я часто ныл из-за тяжелых тренировок или из-за того, как мне осточертело выходить на дурацкое поле. «Если будешь браться за сложные дела, даже когда этого не хочешь, станешь лучшей версией себя».

Ну какой же паршивый момент я выбрал для того, чтобы вообще вспомнить этот недосвет! Он не разозлил меня, даже не вызвал раздражение. Во мне вспыхнул настолько беспредельный ужас, что я почувствовал, как кровь ледяным потоком потекла по венам. Ведь я ничего не мог сделать, чтобы подготовиться к тому, что ждет меня в будущем. За последние три месяца я хорошо это усвоил. Я не хотел делать этого. Но выбора не было.

Я сидел перед ноутбуком и молча наблюдал за неуклюжими действиями юриста. Тот возился с огромным скоросшивателем, перебирая страницу за страницей, пока наконец не достал одну из сво-

их «взрывоопасных бомб». Все это время тревога тяжелым грузом оседала у меня внутри.

Это было такое чувство... укореняющейся утраты. Чувство, которое невозможно игнорировать и из-за которого трудно дышать.

У меня было предчувствие, что любая фраза, которая вырвется из уст этого морщинистого человека, способна навсегда изменить мою привычную жизнь.

Юрист перелистнул очередную страницу.

— Прошу прощения. Нам с трудом удалось найти документы по доверительному управлению* после ухода из жизни вашего друга и его супруги.

От этих слов внутри меня все застыло. Какая же аккуратная фигура речи! Стерильная, беспристрастная, неспособная навредить.

Они не ушли из жизни. Их машина врезалась в дерево, потому что какой-то пьяный водила выскочил на встречную полосу. После столкновения в той каше из металла и стекла осталась их двухлетняя дочь и кипа юридических бумаг, с которой никто не в силах разобраться.

Последние две недели были самыми долгими в моей жизни. Вернее, последние два месяца. Слишком много всего изменилось. Слишком много планов пошло крахом, и время нельзя было вернуть вспять.

* Договор доверительного управления передает в пользование имущество или активы на определенный срок с целью приумножения прибыли. — Здесь и далее примечания переводчика.

— Ага, вот и договор. — Мужчина прошелся пальцем по абзацу на очередной странице и перевел взгляд на камеру ноутбука. — Крис и Эми совсем недавно обратились в нашу фирму, еще и предыдущий их юрист ушел на пенсию аккурат перед аварией... — Он ненадолго замолчал. — Обычно мы гораздо организованнее занимаемся исполнением завещаний.

Я крепко сжал челюсти, а под столом сильно затряслась нога. По ту сторону экрана юрист ничего не заметил, ну, разве что только мое напряженное выражение лица.

— Будь обстоятельства другими, мы бы со всем разобрались уже к похоронам, — продолжил он.

Я кивнул и, решив, что голос достаточно окреп и не выдаст, рискнул задать вопрос, все это время мучивший меня:

— Кто станет опекуном их дочери?

Черты лица юриста тут же смягчились:

— Не вы. Ребенок сейчас с лучшей подружкой Эми. — Многозначительно помолчав, он добавил: — У меня как раз следующая встреча с опекунами Миры.

Я расслабил плечи. Я любил Криса. Он был моим лучшим другом, а знакомы мы были долгие пятнадцать лет — с тех пор как встретились в Мичиганском университете. Только вот я вообще не готов к роли родителя, еще и такой маленькой девочки.

Прикрыв глаза и сделав медленный глубокий вдох, я ожидал новостей. Может, хотя бы на следующей неделе этот тугой болезненный комок в

груди рассосется. Может, я даже научусь избавляться от стресса в новых реалиях. В реалиях, где из-за разрыва связок надколенника я был вынужден уйти из спорта, которому посвятил всю жизнь. В реалиях, где из-за пьяного придурка, которому не хватило ни мозгов, ни навыков держаться своей полосы, мне суждено скорбеть по лучшему другу. Нет. Я никогда не смогу спокойно принять ни одно из этих обстоятельств. И тем не менее все, что остается, — это приготовиться к тому, что ждет меня дальше.

— Что ж, — наконец заговорил юрист, — мистер Барретт, вы, похоже, стали гордым обладателем Кэмпбелл-хауса.

Я широко распахнул глаза:

— Чего?

Он лишь улыбнулся в ответ на мою фамильярность:

— В вашей собственности особняк конца тысяча восьмисотых годов, приобретенный совсем недавно. Если я правильно понимаю, для Криса он многое значил, так как принадлежал его бабушке с дедушкой. К сожалению, за последний десяток лет или даже больше дом успел прийти в запустение.

— Что-то... припоминаю, — выдавил я.

Нечеткие воспоминания замелькали в голове. Долгая поездка после учебы — чтобы Крису не пришлось ехать на похороны в одиночку. Большой дом с кучей окон.

— Я однажды видел его снаружи, сразу после смерти его бабушки.

Юрист провел пальцем по странице:

— Ну... Теперь он ваш.

— Что они собирались с ним сделать? Они же жили в Колорадо.

Крис никогда ничего подобного не упоминал. Не то чтобы мы, конечно, созванивались еженедельно, и уж тем более не тогда, когда начинался сезон*. Но он позвонил мне, как только узнал о травме. И, как последний засранец, спросил: «Раз твое колено все-таки решило сдохнуть, мы сможем теперь пользоваться парковкой для инвалидов? Она как раз ближе к стадиону». Мой ответ был мгновенным. Я назвал его придурком и сказал, что поговорим через пару недель, когда я начну курс физиотерапии. Я тогда был занят. Слишком занят. И теперь, когда Криса больше нет, это звучит как дешевое оправдание.

Юрист откинулся на спинку кресла.

— Мы обсуждали этот дом лишь раз, так что знаю я не так уж и много. Они планировали полностью отреставрировать его и даже наняли в качестве координатора проекта местного специалиста. Не думаю, что они собирались здесь жить, по крайней мере не круглый год. Для них этот особняк был своего рода инвестицией. Тут по-разному можно получать доход. Сдавать дом в аренду, превратить его в гостиницу, еще что-нибудь. Если я правильно помню, такое бизнес-вложение по большей части было мечтой Эми. Она таким образом хотела

* В американском футболе регулярный сезон — это турнирный этап, предшествующий плей-офф — заключительной стадии турнира.

почтить память бабушки и дедушки Криса. Но это, конечно, дело второстепенное. Прежде всего она намеревалась отреставрировать особняк и потом получить свидетельство о том, что он является объектом исторического наследия штата Мичиган*.

Почему все никак не получается вспомнить, где стоит это здание? Я снова попытался отдышаться, но проклятый воздух оказался слишком плотным, слишком тяжелым, чтобы пробиться через мои суженные легкие. Я же был там однажды. Обнимал Криса за плечи, пока он притворялся, будто не плачет. Он все смотрел и смотрел тогда на дом, сиюсь смиряться с тем, что не может себе позволить его приобрести.

Я повстречал Криса в Мичиганском университете — там же, где он познакомился с Эми, но не помню большей части того, что он в те годы рассказывал мне про этот особняк. Как только мой друг переехал в Колорадо и начал карьеру футболиста, а я перебрался ради этого в Даллас, мы больше не возвращались в родной штат, по крайней мере надолго. Исключением были разве что матчи регулярного сезона, которые проводили в Детройте. Как бы то ни было, мой друг все же купил тот самый дом, который не мог себе позволить, когда был спортсменом-первокурсником.

— Напомните, где этот особняк?

Юрист сверился с папкой:

* В США при получении свидетельства об историческом наследии такая собственность получает налоговые льготы, государственную помощь с обеспечением ее сохранности и доступ к грантам.

— В округе Гранд-Траверс. Это на северо-западе штата. Неподалеку от озера. Собственность, похоже... — он сдвинул брови, пока вчитывался, — достаточно внушительная. Занимает пару акров*. Годами, к сожалению, простаивала из-за тяжелого бракоразводного процесса бывших собственников, которые изначально и выкупили ее у бабушки и дедушки Криса.

Я почувствовал, как в груди стало нарастать напряжение. Не сердечный ли приступ?.. Я неуверенно коснулся рубашки.

— Извините, — с трудом выдавил я. — Я просто... Не понимаю.

— Я могу к вам обращаться на «ты»? — спросил мой собеседник.

Я чуть не сорвался и не послал его, но вовремя спохватился и подавил этот импульс. Случившееся не его вина. И не моя тоже. Каким-то чудесным образом я нашел в себе силы слабо кивнуть.

— Берк, я знаю, на тебя свалилось очень многое.

Я недоверчиво фыркнул — сказать мне было нечего. Юрист же оставил мою реакцию без внимания и продолжил:

— Но ты не один. Тебе не придется ни с чем из этого справляться в одиночку. — Он покачал головой. — И я уверен, Крис и Эми не зря в свое время выбрали именно этого координатора проекта: они знали, кому можно довериться.

— А я могу просто... продать этот дом?

* Акр — единица измерения площади в США и ряде других стран с английской системой мер. Равняется примерно 0,4 гектара.

Мужчина задумался, и выражение его лица стало печальным.

— Они не оставили четких инструкций по поводу будущего этого дома. Я лишь знаю, что для них многое значил этот особняк и они очень хотели увидеть его отреставрированным. Эми уж точно с нетерпением ждала начала работ.

Я сжал переносицу двумя пальцами:

— А координатор проекта уже знает обо мне?

— Мы пытались связаться с этим человеком, — ответил он. — В списках экспертом по реставрации числится некто по имени Ш. Каннингем. К сожалению, ответа от него не последовало, хотя мы ему и письмо написали, и оставили несколько голосовых сообщений.

Я сидел с закрытыми глазами и слушал: зашелестели бумаги, и вскоре донеслось задумчивое бормотание юриста:

— В любом случае Крис и Эми уже выделили деньги из своего фонда на проведение всех необходимых ремонтных работ, так что у Каннингема не должно быть никаких проблем с получением статуса объекта исторического наследия, а это уже, считай, существенные налоговые льготы. — Он ненадолго замолчал, призадумавшись. — Если, конечно, это то, чего ты хочешь.

В моей душе бушевал целый калейдоскоп ярких и яростных чувств, каждое из которых боролось за первое место. Раздражение и досада. Глубинная тоска и гнев оттого, что моего друга больше нет. Мне не нужен был этот старый дом. Я не хотел тратить время на всяких координато-

ров, бюрократию или бюджеты на реставрацию. Я *ничего* из этого не хотел. И как только эти мысли прорвались наружу, вернулся страх. Потому что он — страх — рождался из понимания: я никогда не смогу проигнорировать волю Криса.

— Почему? — спросил я тихо. — Он никогда об этом не говорил.

Юрист пожал плечами.

— Большинство людей в тридцать с небольшим не ожидают, что случится подобное, — ответил он. Мягко, с той самой долей такта, которая должна была заставить прозвучать это заявление уважительно, но мне все равно стало чертовски не по себе. — Уверен, он думал, что у него еще есть время.

Позади стоял ряд чемоданов, набитых моими вещами. Дом в Далласе уже был продан, а мебель ехала в грузовике во Флориду — туда, где я собирался усесться в кресло на пляже, читать, смотреть на океан и наконец-то расслабиться. За три с лишним десятка лет я ни разу так и не позволил себе этого. В южном штате меня с нетерпением ждали сестра, которая, к счастью, совсем недавно развелась, и двое ее маленьких детей. Я как раз купил им в тех краях дом и впервые за десять лет собирался по-настоящему провести время с семьей.

Когда я заработал ноющую боль в колене, а мое самолюбие было уязвлено из-за того, что мне не удалось расстаться с Национальной футбольной лигой на своих условиях, я решил, что уход из спорта — мой второй шанс. Больше никаких изнурительных тренировок. Больше не придется

преследовать чужую иллюзорную мечту всегда побеждать и быть самым лучшим. Больше не придется силком тащить себя на поле. И я наконец-то встречу с последствиями своих решений, из-за которых пожертвовал браком и возможностью завести семью. Бывшая жена так и не смогла смириться с тем, что я всегда буду ставить работу выше ее желаний.

Этот второй шанс должен был дать мне жизнь, полную спокойствия и умиротворения. Жизнь, где одним своим присутствием я смог бы наконец заботиться обо всех, кого люблю. Жизнь, а не убогую развалину, с которой я вообще никаких дел иметь не хотел.

Краем глаза я заметил фотографию в рамке, стоящую на кухонном столе. Мне все никак не хватало сил дотронуться до нее и упаковать. На ней был запечатлен последний матч регулярного сезона на четвертом курсе. На наших лицах — «черный глаз»*, капли пота и широкие ухмылки. Крис и я стоим посреди футбольного поля на мичиганском стадионе «Большой дом». Невероятно счастливые, ведь только что одержали победу над Университетом штата Огайо**: Крис в последнюю минуту успел перехватить мяч.

* «Черный глаз» — это черные полосы, которые игроки наносят себе под глазами перед матчем. Это важный атрибут американского футбола, ведь он позволяет уменьшить на скулах блики от огней стадиона или солнечного света, обычно мешающих увидеть мяч.

** Мичиганский университет и Университет штата Огайо — давние и заклятые соперники, особенно соревнующиеся за первенство в студенческом футболе.

Впереди с большим размахом простиралось будущее. И не было ничего, что могло бы послужить преградой для наших мечтаний. После колледжа* нас уже ждала профессиональная карьера футболистов. Крис нашел любовь всей жизни и по совместительству мать своего ребенка. Нашел то, что все эти годы от меня ускользало. И от абсолютной, мать его, несправедливости, что это ему пришлось уйти, а не мне, хотелось встать и надвое расколоть свой чертов дом, лишь бы выплеснуть накопившуюся злость.

Юрист все молчал, пока я неподвижно сидел за кухонным столом и, будто парализованный, смотрел на снимок, который он даже не видел.

— И что теперь? — вымучил из себя я и встретился взглядом с человеком по ту сторону экрана. — Что мне делать?

Он глубоко вздохнул:

— Я направлю тебе по почте все, что требуется, но будь готов: информации будет много. Первым делом нужно будет подписать кучу документов, как только мы свяжемся с координатором проекта.

— Ладно, — с досадой ответил я.

— Ну, и ты мог бы, например, — добавил он, — сделать визит в Траверс-Сити, чтобы поглядеть на свою собственность.

Я усмехнулся. И получившийся звук выдал всю мою незаинтересованность. Практически

* Мичиганский университет, как и многие другие в США, состоит из нескольких подразделений — колледжей.

